

Пребывая в мрачном настроении, Болао наблюдала за Падающим Рейном, осматривающим толпу и ожидала момента, когда он поймет, что жизнь не так проста. Несмотря на то, что майор Ючжэнь настаивала на обратном, это было не наказание, а скорее мягкий урок. Болао сильно пострадала во время своей первой чистки, более десяти лет назад. Непроверенный прапорщик, она была захвачена во время Чистки после того, как наткнулась на горное убежище нескольких сотен Оскверненных бандитов во время обычного патрулирования. Она находилась в глубине Центральной провинции любая помощь, присланная ее отцом, прибыла бы слишком поздно, чтобы избавить ее от ужасов, и поэтому она была вынуждена проводить свои дни, собирая деревенских жителей для резни.

Падающий Рейн так сильно напоминал ей ее молодость, ставя под сомнение необходимость смерти и пыток, хотя ей недоставало его дерзости и она только делилась своими сомнениями с доверенными подчиненными. В первый же день Чистки она превратилась в безутешное существо и спряталась в своей палатке, пытаясь заглушить душераздирающие крики и нечеловеческие вопли. В ту ночь, отчаянно пытаясь спасти тех, кого она считала невинными, она отбросила осторожность и попыталась протащить группу через блокаду. Ее поймали почти мгновенно, глупый молодой прапорщик, слишком доверчивый своему секунданту. Увидев такую возможность, змея, восходящая по карьерной лестнице, продала ее старшему по званию, высокопоставленному офицеру из конкурирующего клана. Принцесса клана Хань попала в компрометирующую ситуацию, открыто помогая подозреваемым в осквернении, как, должно быть, это было восхитительно для них. Только вмешательство мастера спасло ее от суровых санкций и даже возможной смерти, нескольких слов и взмаха руки мастера было достаточно, чтобы разобраться с этим вопросом.

Тогда она еще не принимала его как своего Учителя, знала его лишь как человека в той же роли, что и сейчас. О, как она сопротивлялась, когда он забирал тех, кого она пыталась спасти, открыто рыдая, когда он вложил нож в ее руку и привел ее к первой жертве, молодому, испуганному мальчику, со свежим лицом. Воспоминание были такими же ясным, как будто были вчера: ее тщетная борьба, Когда учитель взял ее за руку и вонзил нож в тело мальчика, рот ее жертвы раскрылся в гортанных криках, которые перекликались с ее собственным, брызги теплой соленой крови на ее лице, когда она резала и разделявала его, ужас в его глазах, когда он умолял о смерти, которая не пришла быстро.

Снова и снова мальчик взывал к Матери, а может быть, он звал мать, чьи душераздирающие крики пронзали уши Болао, умоляя ее остановиться. Снова и снова извиняясь, Болао делала все, что было в ее силах, чтобы сопротивляться и бросить нож в ее руке, прося прощения за то, что содрала кожу с груди мальчика, за то, что вырезала плоть с его костей, но ее усилия были напрасны. Мастер крепко держал ее на месте своей аурой, заставляя принимать участие в пытках, меняя нож на заточенную ложку, затем шурупы, затем молоток и кучу разных предметов, названия которых она не знала, молча на протяжении всего испытания, она поклялась отомстить ему, обещая отомстить за бедное дитя перед ней, который был не старше ее дорогого кузена Бошуи.

После нескольких часов мучительной агонии от ее рук, подкрепленных искусным исцелением от ее учителя, мальчик был не более чем массой обнаженных органов, тихо всхлипывающих, когда он смотрел из невидящих пустых глазниц. Оцепенев от шока и омертвев внутри, Болао давно замолчала, ее эмоции истощались и опустошались по мере того, как каждое мгновение запечатлевалось в ее памяти. Безразличный к их страданиям, мастер поднес ее руку к горлу мальчика и осторожно выдавил из него жизнь, его растерзанные губы изогнулись в гротескной беззубой улыбке. Убедившись, что мальчик мертв, мастер поклонился в безмолвной молитве,

прежде чем привести ее к матери мальчика с ножом в руке, готовый начать все сначала.

За матерью последовали другие: добрый дедушка, ядовитая сестра, умоляющий дядя, плачущая дочь и многие другие, и все они одинаково страдали, каждый порез, каждый удар, каждая пытка повторялись без отклонения и отдыха. Спустя бесчисленное количество часов и семнадцать жертв мастер вручил ей нож и указал на восемнадцатую жертву, мальчика младше первого, и она точно знала, что делать. Неуправляемая, она шагнула вперед, чтобы очистить плоть и оцарапать кости, двигаясь механически, как во сне, онемев от ужасов перед ней.

Когда она вырвала первый глаз мальчика, его крики боли сменились гневом, хотя ей было все равно. Когда она потянулась, чтобы взять второй глаз, мастер поймал ее руку и покачал головой, оттаскивая ее в сторону, в то время как оставшаяся кожа мальчика покрылась рябью и обнаженные мускулы сдвинулись. Его крошечное тело раздулось в размерах, когда его голос стал гортанным и резким, его единственный карий, красивый глаз смотрел на нее с чистой яростной ненавистью. На его теле появились язвы, покрыв бледную кожу темными гнойниками и пузырящимися нарывами, обнаженные деформированные кости рук соединились в массивный коготь. Корчащаяся масса почерневшей плоти вырвалась из пустоты там, где раньше был его глаз, закрыв лицо дьявольской, мрачной маской, оставив только один глаз, потрясающе человеческий среди чудовищного лица.

В тот судьбоносный день Болао заглянула глубоко в бездну и увидела, что там скрывается зло.

С легкостью убив демона, мастер отвел ее в сторону и осторожно вымыл ей руки, заговорив в первый раз с тех пор, как они начали. Его успокаивающий голос ясно объяснял все, не оставляя места для сомнений. Оскверненные были чумой, передаваемой через близость, демоны скрывались в темной пустоте их душ. Болезнь должна быть удалена, корень и стебель, пытка была не более чем инструментом, чтобы разоблачить болезнь и обеспечить, чтобы ни один офицер или дворянин не использовал Чистку для гнусной цели. Причина и следствие, все просто - она выполняла работу Матери, необходимую работу, какой бы неприятной и ужасной она ни была.

Теперь, после стольких лет цепляния за эту истину, она снова была наивным ребенком, сомневающимся в своих основных убеждениях из-за Рейна.

Почему она никогда не слышала о Чистке, направленной против армии? Год за годом появлялись Оскверненные и посылались солдаты, чтобы усмирить их. Солдаты служили в течение десяти лет, часто в одних и тех же районах, то есть те, кто защищал пограничные крепости, вступали в неоднократные контакты с Оскверненными. Было бы глупо полагать, что у них никогда не было проблем с солдатами, ставшими Оскверненными. При том, что большинство рядовых не более чем мясо для мясорубки, неспособные показать свою чистоту, как армия могла предотвратить бедствие? Даже если допустить, что солдаты были обучены находить Баланс, а отсутствие уединения не оставляло места для новых оскверненных солдат, чтобы высвободить свои кровожадные побуждения, как возможно, что никогда не было крупномасштабной вспышки? Не так уж много нужно, чтобы весь гарнизон заразился, попав под шепот Отца во время месива, но она никогда не слышала и не читала о таком случае. Империя скрыла это?

С другой стороны, наивысшим наказанием в Империи считались девяносто девять дней агонии, назначенные только виновным, совершившим тяжкое преступление. Чаще всего преступник превращался в демона, но Чистку не начинали. Хотя наказание за преступление, караемое смертной казнью, включает смерть семьи преступника, она все же задается вопросом: был ли преступник уже осквернен или он обратился из-за пыток?

Подобно извечному вопросу о курице и яйце, она задавалась вопросом, была ли она лекарством или болезнью. Были ли ее жертвы осквернены с самого начала, или ужас и кошмары, которые она вызвала, заставили их оказаться в объятиях Отца? Этот вопрос заставил ее ворочаться с боку на бок в койке, прошлые ночи ее преследовал раздражающий голос Падающего доРейнажда, а поиски ответов только поднимали новые вопросы.

Кризис веры на пороге Чистки, это был суд, назначенный для Болао, и ее убеждения опасно колебались. Борясь с желанием прикусить губу, она молилась Матери, чтобы та наставила ее на путь истинный, в то время как Рейн шел сквозь перепуганную толпу крестьян. Возможно, он сможет почувствовать Оскверненных и выделить зараженных, как это было бы замечательно.

Его холодный, безразличный характер резко контрастировал с энергичным молодым человеком, с которым она спорила несколько дней. Как непонятно, кто из них настоящий Падающий Рейн, бесстрашный воин или страстный диссидент?

Затаив дыхание, она последовала за ним, но его заявление наполнило ее разочарованием и отвращением. Встретившись взглядом с Падающим Рейном, она усмехнулась и сказала:

— Все эти крестьяне - дети матери, и среди них нет ни одного Оскверненного? Полагаю, это означает, что я должна отпустить их всех. Если я продолжу Чистку, то их смерть будет на моих руках, освобождая тебя от всякой вины. Как удобно. — Плюнув ему под ноги, она покачала головой. — Я не ожидала, что ты пойдешь путем труса.

Закатив глаза, он ответил совершенно невозмутимо:

— В убийстве гражданских нет ничего храброго. Делайте, что хотите, я упоминаю об этом, потому что нахожу это странным. В группе такого размера должен быть хотя бы один или два человека. Он отвернулся и посмотрел прямо в лицо майору Ючжэнь, оставив Болао стоять в стороне. — Они все из одной деревни? Мы должны допросить их и выяснить, не пропал ли кто и куда они могли подеваться. — Он замолчал, отвлекшись на что-то в небе. — Я должен осмотреть другую группу. Потому что Оскверненные могли собраться и сбежать. Демон был быстр, настолько, что способен пересечь всю территорию за считанные дни

Разъяренная его бесполезной ложью, Болао рванулась вперед, чтобы оттащить его и показать ему ошибки его пути, как Учитель показал ей. Ее аура вырвалась из нее, но безрезультатно скатилась с него. Сорвавшись с места, Падающий Рейн свернул в сторону, глаза горели неповиновением, когда он занял оборонительную позицию. Целясь ногой ему в живот, она осторожно двинулась вперед, стараясь подчинить его и заставить понять, как она была вынуждена сделать это много лет назад. Его рука опустилась ниже и парировала удар, поднимая ее ногу за пятку и делая шаг вперед, когда его нога коснулась ее. Отскочив назад, чтобы избежать его удара, она дважды ударила его в лицо, заставив прекратить наступление. Ее левая нога все еще была в его руках, она немедленно прыгнула, приземлившись, ее правая нога поднялась, чтобы врезаться в его плечо, резко оттолкнув его в сторону и освободив ногу. Завершив удар, она крутанулась в воздухе и приземлилась на обе ноги, свирепо глядя на наглого молодого человека.

— Ты смеешь сопротивляться?

— Прекратите эту глупость! — Командирский голос Ючжэнь положил конец их обмену ударами. — Леди Хань Болао, могу я напомнить вам, что вы здесь из любезности. Ведите себя прилично, или я прикажу вас убрать. Еще раз нападете на одного из моих солдат, и я предъявлю вам обвинение.

— Ты не понимаешь, - процедила Болао сквозь зубы, указывая на Падающего Рейна. — Он должен увидеть правду. — Не обращая внимания на зевак, она повернулась и встретилась взглядом с надменным дикарем. — Ты судишь меня, ничего не зная, в безопасности на своем высоком насесте, не зная о вине, с которой я борюсь каждый день, моля о прощении, страдая от последствий моего выбора. Ты, как и другие, самодовольный ханжа, думаешь, что у тебя есть ответы на все вопросы. Ты смотришь на меня, как на монстра, ставишь под сомнение мою работу, но когда тебя спрашивают, ты не осмеливаешься занять позицию. Лицемер - вот кто ты.

В наступившей тишине гнев Падающего Рейна растаял, плечи опустились, а взгляд наполнился жалостью.

— Если это то, во что вы действительно верите, — сказал он, — тогда почему важно, что я думаю? Почему мои вопросы так тебя нервируют?

Его слова пронзили ее грудь, больно поразив сердце, и она отказалась думать об ответе.

— Больше никаких вопросов, — прошипела она, поворачиваясь к пленникам. — Больше никаких извращенных истин. Ты говоришь, что никто не осквернен. Ты говоришь, что я не могу доказать что это не так. Я покажу тебе, как ты ошибаешься в обоих случаях. Если у тебя есть мужество взглянуть правде в глаза, то ты останешься и будешь наблюдать. — Она не могла силой ему помочь, пока майор Ючжэнь защищала его.

Почему никто не защитил ее, десять лет назад?

Жестом подзывая Претендентов, она выбрала свою первую жертву и потащила его за волосы, маленького мальчика одного возраста с Рейном. Прижав его к колонне, она зафиксировала его движения своей Ци и срезала с него одежду, его крики вскоре присоединились к хору голосов, появляющихся, когда ее Претенденты занимались своим ремеслом. Отойдя в сторону, чтобы не мешать Рейну смотреть, она приставила нож к груди жертвы, начав с того же пореза, который делала сотни, если не тысячи раз до этого, - неглубокой вертикальной линии прямо над грудиной.

Кто-нибудь здесь обернется, и тогда Рейн поймет, что ее работа необходима, а выбор оправдан. Она была хирургом, удаляющим рак - оскверненные тела - империи, очищающим пламенем, освобождающим эти души из когтей Отца. Мастер был прав, ее работа была божественной.

Пожалуйста, Мама, пусть будет так.

Жители деревни стоят аккуратными рядами и колоннами, туман клубится вокруг сотен из них, сопровождаемый Шрайком и ее Претендентами. Когда она начинает свою кровавую работу, мои глаза остаются прикованными к ее жертве, ребенок дрожит от ужаса, его пронзительные крики посылают мурашки по моей спине. Голос Бейлдага звучит у меня в голове, когда он вздыхает, и я представляю, как он качает головой.

— Я говорил тебе, что это была ужасная идея, наши действия были напрасны. Мы должны были выбрать нескольких наугад, по крайней мере, тогда мы не выставили бы себя на посмешище.

— Я должен был попытаться.— Я произношу эти слова вполголоса, забывая шептать их про

себя. — Я должен был попытаться. Даже если никто не верит.

Ючжэнь обнимает меня и шепчет:

— Ты ничего не мог сделать. Тебе не нужно оставаться и смотреть, я не буду. Пойдем со мной, в это темное время мне не мешает компания.

Не в силах отвернуться от ужасов, я качаю головой.

— Сожалею. Я остаюсь. Не волнуйтесь, идите.

Ючжэнь остается рядом со мной еще несколько долгих минут, пока сорокопут не вырывает мальчику язык, не в силах больше терпеть. Представляя собой ужасную картину, Претенденты работают в жуткой синхронизации, как роботы, предназначенные только для пыток, их экспертные движения хорошо отработаны, их лица отчуждены и отстранены, не тронуты их работой. Ни удовольствия, ни отвращения, ни спешки или отклонения, их отношение больше подходит для переписчиков, копирующих рукописи.

Кроме сорокопута. Ее прекрасные губы изогнуты в развратном восторге, безупречная белая кожа запятнана кровью. Кровавая Жрица в полном расцвете сил, ее работа заставляет моих бывших Стражников казаться дилетантами, мой разум содрогается от ужасов, причиненных им.

— Брат, - говорит Бейлдаг, - мы можем поменяться, я могу встать на твое место.

На этот раз я не забыл промолчать.

— Нет. Спасибо, но не притворяйся, что их смерть не повлияет на тебя. Вернись, я не хочу, чтобы ты это видел. — Чувствуя, что я не в настроении разговаривать, Бейлдаг отступает, зная, что никакие его слова не убедят меня уйти.

Я не знаю, как долго я стою там, мои слезы давно высохли, а рука болит от хватки за рукоять. Я хочу обрести покой и положить конец их страданиям, но знание того, что случится с теми, кого я люблю, удерживает меня от действий. Я слишком слаб, чтобы что-то сделать, слишком труслив, чтобы попытаться, и это разрывает меня изнутри.

Этот мир прогнил до основания.

В то время как Шрайк начинает работать над своей третьей жертвой, давным-давно обыскав всех жителей деревни, которых я осмотрел, в поле моего зрения появляется Зиан. Рядом с ним стоит Дастан, не отрывая глаз от земли, а Бошуи с болью смотрит на кузена. Бледное лицо Зиана изучает меня, когда он спрашивает:

— Требуется определенное мышление, чтобы выдержать это, и даже слепой может увидеть, что тебе этого не хватает. Ты рискуешь нарушить свое внутреннее спокойствие и потерять равновесие или поддаться ярости и отчаянию, осквернив себя. Это безумие, почти никто не смотрит, даже охранники отвернулись.

Все еще наблюдая за работой сорокопута, я делаю несколько попыток, прежде чем могу выдавить из себя слова.

— Почему ты ищешь силы, Ситу Цзя Зиан? — Он вопросительно смотрит на меня, не понимая.

— Ты талантлив, но это не значит, что ты не работал изо всех сил, не страдал, чтобы добиться

своего. Почему ты посвящаешь свою жизнь силе? Ради чести и славы? Популярность и богатство?

Указывая на деревенских, я продолжаю, не дожидаясь ответа.

— Я был таким же, как они, - слабым, беспомощным, обиженным и замученным. Если бы не поворот судьбы, я бы умер собачьей смертью, и никому бы не было до этого дела, как никому нет дела до их смерти.

Изливая свой гнев и растущее разочарование, я повышаю голос, продолжая свою тираду.

—А мне не все равно. Я не учился убивать невинных. Я не искал силы, чтобы мучить слабых. И все же я делаю именно это. Может быть, это не моя рука держит нож, но я стою здесь и ничего не делаю, чтобы остановить это, что делает меня виноватым в моих глазах.

После этой мысли мое Ци закручивается внутри, и Небесная Энергия вливается в меня, яростно закручиваясь внутри и вокруг моего тела. Не думая, я вытаскиваю меч, и моя аура взрывается, наполненная чувствами возмущения и бессилия.

— Я учился защищать слабых, а вместо этого смотрел, как они умирают. Это все, что я могу сделать. Их страдания не должны остаться незамеченными. Они заслуживают того, чтобы их помнили.

Солдаты вокруг нас смотрят и неловко переминаются с ноги на ногу, когда я открываю им правду. Глаза сузились от гнева, Шрайк смотрит на меня, ее окровавленная улыбка застыла на лице. Ее жертва корчится на месте, пол неразличим после всех мучений, моя речь задержала сладкое освобождение бедной души. Сотни убитых и замученных без единого Оскверненного или демона, невинные до последнего. Не в силах остановиться, я швыряю Мир так сильно, как только могу, высвобождая все мои сдерживаемые разочарования. С глухим стуком Мир пронзает грудь жертвы, единственная крошечная отсрочка, которую я могу предложить.

Тишина окутывает поле после моей публичной истерики, прерываемой только странными стонами и рыданиями замученных, всех приближающихся к концу своих страданий, но еще не наступивших. Рот Шрайка безмолвно шевелится, гнев лишает ее дара речи. Ее лицо искажилось в шоке от моей дерзости, после долгих секунд, она, наконец, выдавливает слова.

— Ты смеешь вмешиваться в Чистку? Я тебя -

Звук оружия, вращающегося в воздухе, прерывает ее гнев. Топор пронзает одну жертву, едва не задев претендента, стоящего там. Бессловесный крик Дастана следует за ним, слезы текут по его лицу, молодой человек не в силах больше выносить их страдания. Следуя его примеру, все больше оружия проникает в плоть страдающих, и это единственная милость, оставшаяся этим бедным душам. Поток из оружия подходит к концу, все жертвы отдыхают, а окровавленные колонны, используемые для их сдерживания, разбиты и бесполезны.

Оглядываясь вокруг, я вижу мрачную решимость на лицах солдат и успокаиваюсь, зная, что другие чувствуют то же, что и я.

Может быть, я ошибся и мир не совсем прогнил.

По большей части.

<http://tl.rulate.ru/book/591/475582>